

Эва Баш

**ПОСЛЕДНЯЯ
ЖЕРТВА**

Эва Баш

Последняя жертва

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Баш Э.

Последняя жертва / Э. Баш — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Что может связывать известного бизнесмена, вчерашнюю школьницу и полицейского, ведущего расследование, кроме череды загадочных смертей, произошедших однажды осенью в Берлине? В этой истории прошлое и настоящее переплетаются так тесно, что с первого взгляда невозможно понять, кто же на самом деле убийца, а кто жертва.

© Баш Э., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ПРОЛОГ

Не дав опомниться, он затащил девушку в кабинку и, усевшись на крышку унитаза, заставил сесть к себе на колени.

– Ты что делаешь? – возмутилась она.

– Тихо! – он приложил палец к её губам и прислушался.

Скрипнула входная дверь. Раздались шаги. Кто-то зашёл в соседнюю кабинку и щёлкнул задвижкой.

Две минуты они провели в полном молчании. Она созерцала в отражении на кнопке слива коротко стриженный затылок спутника и своё лицо с потёками туши и растрёпанной причёской. Он разглядывал рекламу всемирно известного ресторана быстрого питания на дверце кабинки и размышлял, о чём (если вообще) думали маркетологи, размещая свою рекламу в таком месте? Хотя на самом деле следовало размышлять совсем о другом: план, в котором и без того хватало дыр, похоже, катился ко всем чертям.

Соседка тем временем закончила свои дела и ушла, стукнув дверью. Теперь можно немного выдохнуть. Девушка поменяла положение и вытянула правую ногу, насколько это позволяло тесное пространство кабинки.

– У меня нога затекла, – пожаловалась она, пытаясь устроиться.

– Терпи, – сквозь зубы прошипел парень. – Там твои дружки рыщут.

Девушка чуть слышно вздохнула и прикусила губу.

– Я домой хочу, – шёпотом сказала она.

– Раньше надо было думать. Слушай, закинь мне её на плечо, – нервно усмехнулся парень, когда девушка продолжила возиться, пытаясь занять удобное положение. – Какая же у тебя костлявая задница, – он пошевелил коленками. – Сколько ты весишь?

– Сколько претензий! – возмутилась она. – А кто придумал прятаться в туалете?

– У тебя есть идеи получше? – спросил он, доставая из кобуры, спрятанной под кожаной курткой, пистолет.

– Нет, – огрызнулась она.

– Тогда сидим и ждём, – он прислонился спиной к сливному бачку и закрыл глаза.

И во что они друг друга втянули?

Пару месяцев назад он несомненно обрадовался бы перспективе застрять в туалете с хорошенькой брюнеткой, может быть даже с этой самой, которая ёрзала у него на коленях, кусая губки и разглядывая потолок, но сейчас в нём осталось только одно желание – покончить с этим запутанным делом, а потом послать всех подальше, выпить виски и завалиться спать в каком-нибудь дешёвом мотеле, и пускай там будет вонять сыростью и канализацией, и возможно мышами, но зато его там никто не будет тревожить.

Входная дверь хлопнула, и чуть слышно провернулся ключ в замке. Парень напрягся и прислушался. Девушка обгрызла ноготь на безымянном пальце и принялась за средний.

Чьи-то шаги, сопровождаемые едва различимым скрипом металла по кафельному полу, приближались, и вскоре замерли прямо напротив их кабинки. Парень поднял пистолет и снял предохранитель. В этот момент дверца кабинки распахнулась...

Глава 1

Вообще-то мечты сбываются.

И Эмма знала это, ведь теперь она жила в Берлине и работала в крупном издании.

Ну как работала – проходила неоплачиваемую стажировку, отчаянно надеясь на то, что однажды её возьмут в штат, хотя и знала, что такое в “*Der Glass*” случается крайне редко.

Однако Эмма не отчаивалась и не жаловалась. В конце концов она ещё не совсем вышла из того возраста, когда можно без угрызений совести сидеть на шее родителей. В прошлом месяце ей исполнилось восемнадцать, и ещё три оставалось до завершения стажировки – достаточно времени, чтобы начать свой путь к финансовой независимости.

К тому же первый шаг уже сделан – Эмма уехала из маленького городка под Брауншвейгом навстречу большой мечте и настоящей жизни.

Фрау Нельсон, мамина подруга, прожужжала все уши о том, как замечательно, что Эмма будет жить у её *ненаглядной* Маргаретхен, и они непременно станут лучшими подругами. Энтузиазм фрау Нельсон был заразителен, и Эмма без труда поверила, что Маргаретхен, которая старше её на три года и работает в какой-то серьёзной компании, безмерно обрадуется новой соседке.

Эмма смотрела на мир широко открытыми глазами, не ожидая от него никаких подвохов. Она просто ещё не знала, что в нём есть не только радуги и единороги.

Стук входной двери и звук ключей, ударившихся о полку в коридоре, разбудили Эмму. Она бросила взгляд на часы, стоявшие на прикроватном столике – половина пятого. Приглушённый, предположительно мужской голос за стенкой сменился взрывом смеха. Очередной ухажёр, поняла Эмма, а это значило, что её сон, в общем-то, закончен.

Маргарет работала в основном в ночную смену, и солидность её компании вызывала некоторые сомнения, но где и чем именно занималась соседка, Эмма не знала. Один-два раза в неделю Маргарет приводила домой новых кавалеров, которые оставляли после себя запах сигарет, пива и дешёвого мужского парфюма.

Эмма совсем не возражала против гостей, однако последние, встретив её на кухне с кружкой зелёного чая и свежее испечённым круассаном или кексом, или чем-нибудь ещё в том же духе, почему-то только виновато улыбались и спешили по своим делам. Сегодняшний ухажёр в этом плане совсем не отличался от остальных. Захлопнув за ним дверь, Маргарет появилась на кухне. Не обратив на Эмму никакого внимания, она залезла в холодильник, достала оттуда контейнер с лазаньей и вместо приветствия произнесла:

– В твоей лазанье слишком много сыра. Ты можешь добавлять туда поменьше сыра?

– Конечно, – рассеянно пожала плечами Эмма, наблюдая в окно, как любовник Маргарет перешёл на другую сторону улицы, остановился, закурил, поднял воротник куртки, защищаясь от пронизывающего осеннего ветра, и отправился дальше, прочь из поля зрения и их с Маргарет жизни.

У Эммы ещё никогда не было своего парня.

Почему?

Хорошенькая брюнетка с огромными голубыми глазами и улыбкой в пол-лица не пользовалась особым успехом у парней. Может, ей не хватало стержневости?

«Маргарет», – Эмма обернулась, чтобы задать этот вопрос своей соседке, но та успела улизнуть с кухни, прихватив с собой лазанью.

Эмма вздохнула, заглянула в свою кружку, в которой осталось немного остывшего уже чая, и посмотрела на часы. Шесть утра – самое время, чтобы напечь кексиков для коллег.

Тем временем на другом конце города, в небольшом сквере, склонившись над кучей осенней листвы, стоял мужчина. Его возраст и внешность было сложно определить из-за капюшона, который высовывался из-под куртки и скрывал лицо. Перед ним лежало тело девушки. Невидящий взор её глаз был устремлён в предзвездное небо. Покачав головой, мужчина опустил на колено и закрыл девушке глаза, потом поправил висевший на его плече чехол, из которого виднелась рукоять катаны, огляделся по сторонам и не спеша направился к выходу из парка.

Город просыпался.

Если кто-нибудь спросил бы у Марка Шнайдера, сбылись ли его мечты, он, замешкавшись на какую-то долю секунды, ответил бы «да». Однако если бы его спросили, счастлив ли он, Марк, не раздумывая, сказал бы «нет».

Странно, но исполнение мечты не всегда делает людей счастливыми. Почему? Может быть дело в том, что мечта оказалась не та? Или её исполнение подкачало?

Марк выбрал бы второй вариант. Когда он был на восемнадцать лет моложе, то представлял себе работу полицейского увлекательным и захватывающим боевиком, в котором преступники сами идут к тебе в руки, а справедливость всегда торжествует. На деле всё оказалось не так оптимистично.

Тем утром Марк, потирая замёрзшие пальцы, переминался с ноги на ногу рядом с судмедэкспертом, осматривавшим тело девушки.

Раскинутые руки, распахнутое пальто, под которым виднелось недорогое коктейльное платье в блёстках – казалось, будто она специально упала в этот ворох осенней листвы.

– Следов борьбы нет, – говорил судмедэксперт, пожилой мужчина в очках с толстой оправой, – явных следов насильственной смерти тоже нет, – он поднялся, стягивая резиновые перчатки. – Похоже, передозировка, ты только посмотри на её лицо. Моя жена даже в день свадьбы не выглядела такой счастливой.

Марк усмехнулся.

– Документы, сумочка? – спросил он у стоявших рядом криминалистов.

– Нет, пока ничего, – отозвался один из них.

– Ладно, разберёмся, – Марк зевнул и передёрнул плечами.

Отгул, на который он рассчитывал, из-за начавшейся ещё вчера простуды, придётся отложить на некоторое время. Шмыгнув носом, Марк засунул руки в карманы и взглянул на пробегающие по небу тучи. Скорее всего, снова будет дождь, подумал он. Потом посмотрел ещё раз на тело, покачал головой и, перекинувшись парой служебных фраз с коллегами, отправился в участок. Удобно, что идти до него было не более пятнадцати минут, а морозный утренний воздух бодрил лучше любого кофе.

Рабочий день второго ассистента главного редактора, Эммы Бишоф, проходил в обычном режиме. Телефон разрывался от звонков, а электронная почта каждые пять минут выдавала новые сообщения. Одной рукой девушка строила график к статье об истощении водных ресурсов для старика Уве, который совсем не дружил с компьютерами, и которому Эмма никак не могла отказать в этой маленькой просьбе. Второй рукой она придерживала трубку

мобильного телефона, пытаясь дозвониться до офиса одного крупного босса, чтобы назначить встречу.

– Эмма, у нас закончился кофе, – красная чашка стукнула о поверхность стойки ресепшена, и наманикюренные пальчики принялись нервно барабанить по ней.

– Сейчас закажу, – кивнула Эмма, не отрываясь от своих занятий.

– Эмма, у меня не работает принтер, – раздался с другой стороны мужской голос, – я перекину тебе на почту? Распечатай!

– Хорошо, – крикнула девушка в ответ, отложила телефон и заглянула в ежедневник, потом посмотрела на часы на мониторе компьютера и потёрла лоб – через полчаса совещание, а макета номера ещё нет.

– Эмма, курьер!

– Эмма, милочка, где мои графики?

Спросите у Эммы, сходите к Эмме, попросите Эмму.

За три месяца работы в редакции она умудрилась стать самым популярным сотрудником. Широкая улыбка и готовность помочь в любой ситуации привлекали коллег, которые без зазрения совести пользовались её добротой. Однако настоящих друзей Эмма ещё не успела здесь завести. С одной стороны, ей не хватало времени на простое общение, а с другой – никто особо и не стремился водить с ней дружбу. Впрочем, понятие «дружбы» в принципе было чуждым коллективу газеты «*Der Glass*», название которой – «Стекло» – обозначало открытость и прозрачность публикуемой информации. На деле же они ничем не отличались от всех остальных изданий, для которых сенсация всегда стояла на несколько ступеней выше человеческих чувств и норм морали.

Последнее стало открытием для Эммы, но она всё ещё пыталась оправдать это тем, что люди должны знать правду.

Ей на самом деле очень нравилась эта работа.

Даже когда в половине восьмого вечера звонил телефон и кто-нибудь просил о каком-нибудь маленьком одолжении, ну просто сущем пустяке, который больше ни один человек на свете не может сделать.

В этот раз звонила Таня, девушка под сорок с русским именем, но уходящими вглубь веков немецкими корнями (в семидесятые в Германии было модно называть детей русскими именами). Запинаясь от волнения и меняя буквы местами, Таня рассказала, что застряла в аэропорту и никак не успевает на пресс-конференцию в *Feuerbach Robotics*. О значении этой пресс-конференции Эмме не нужно было рассказывать, вся редакция жужжала как потревоженный улей с тех самых пор, как Штефан Фейербах, генеральный директор компании, после пятилетнего молчания объявил о том, что готов говорить с прессой.

Естественно, Эмма не могла не выручить коллегу, хотя и испытывала определённые опасения по поводу своей компетентности для выполнения столь ответственного задания. Тем не менее времени рефлексировать по этому поводу уже практически не оставалось, поэтому она распечатала список вопросов, высланный Таней, и, стараясь дышать хотя бы через раз из-за одолевавшего её волнения, вышла в промозглый берлинский вечер.

Глава 2

Ранее тем же днём Марк и его коллега Диана внимательно изучали фотографии девушки, обнаруженной утром. За окном полицейского управления ярко светило солнце, пробираясь сквозь пожелтевшую листву, и весело щебетали птицы, словно забыв о том, что сейчас совсем не весна.

– Ненавижу строить предположения пока не готов отчёт судмедэксперта, – фыркнула Диана, отворачиваясь от доски, на которой были развешаны фотографии.

В отличие от Марка, обладавшего не примечательной, не выдающейся и не запоминающейся средневропейской внешностью (что, впрочем, вполне неплохо для полицейского), Диану замечали всегда и везде. Несмотря на то, что светлые волосы она обычно собирала на затылке в хвост, а широкими чертами лица и характером пошла в отца, известного в своё время автогонщика, Диана умела выглядеть эффектно. Особенно ей в этом помогали четвёртый размер и высокие каблуки, которые в случае необходимости становились смертельным оружием.

– Девушка одета броско, но недорого, – не обращая внимания на Диану и время от времени шмыгая носом, размышлял вслух Марк. – Если верить ценнику на подошве правой туфли, то стоили они всего девять евро, и купила она их или недавно, или носила очень редко. Не привыкла к ним, на пятках пластырь. На левом чулке затяжка, но она, скорее всего, образовалась уже при падении. Аккуратный маникюр, да и в целом не похожа она на проститутку или наркоманку. Студентка или работает где-то в офисе, может быть в банке. Не думаю, что она часто ходит по клубам. Видимо, в этот раз был какой-то повод. Возвращалась домой с вечеринки...

– Может свидания, – вставила Диана, протягивая Марку коробку с бумажными салфетками.

– Нет, – покачал головой Марк и вытянул одну салфетку. – Коронер сказал, что предположительное время смерти с трёх до четырёх утра. Вряд ли она бы возвращалась с удачного свидания, а судя по выражению её лица, вечер всё-таки удался. В общем, вряд ли она бы шла одна в это время через парк.

– А почему ты решил, что она была одна? – спросила Диана.

Марк задумчиво посмотрел на коллегу, но вместо того, чтобы что-то ответить, ото всей души высморкался.

– Кто-то же забрал её сумочку, – продолжила Диана.

– Если она сама её не потеряла или не забыла где-то, – вставил Марк.

– Маловероятно, посмотри на её губы, – Диана подошла к доске и ткнула пальцем в одну из фотографий, – она накрасила их незадолго до смерти, а это значит, что сумочка у неё была.

– Её мог забрать и случайный прохожий, – пожал плечами Марк. – Не все в этом городе такие сознательные, чтобы сразу вызывать полицию.

– А мог и убийца. И да, в базе её отпечатков нет.

– По крайней мере, скоро мы узнаем, что с ней случилось, – сказал Марк и обернулся, услышав, как открылась дверь кабинета.

Бормоча что-то невнятное себе под нос, вошёл их коллега – Тезер Аталик. Турок по происхождению и немец по гражданству, он работал в одном отделе с Дианой и Марком уже пять лет и почти пятнадцать в полиции.

Попеременно хватаясь то за голову, то за свою короткую чёрную бородку, Аталик не отрывал взгляда от развёрнутой серой папки, которую нёс в левой руке.

– Тезер? – настороженно спросила Диана. – Что там?

Аталик остановился и посмотрел на коллег так, словно видел их впервые. Потом закрыл папку и помахал ей перед собой.

– С такими уликами мы не можем открыть дело об убийстве.

– Рассказывай уже, что там? – попросил Марк, сморкаясь.

– Ребята, это какая-то чертовщина... – почесал затылок Аталик.

– Да порази же ты нас уже наконец, – зевнул Марк и потянулся.

– Девушка умерла не от передозировки. Она умерла от потери крови, – сказал Аталик.

– И в чём чертовщина, Тезер? – скептически спросила Диана. – На месте преступления крови не было, значит, её убили где-то ещё и притащили туда. Разве может быть другое объяснение?

– В том всё и дело, её куда не тащили... – Аталик вскочил со своего места и подошёл к доске. – Посмотри, нет никаких следов, что кто-то её нёс. Ни волокон ткани, ни складок на одежде, ни царапин на туфлях. Все факты говорят о том, что она пришла туда сама!

– Тезер, но это бред, – возразила Диана, – должно быть простое и логичное объяснение. Смотри, вот здесь...

Пока коллеги оживлённо обсуждали возможные варианты гибели до сих пор неизвестной девушки, Марк взял со стола Аталика отчёт судмедэксперта и быстренько пролистал его. На мгновение он даже забыл о текущем носе, и в памяти всплыли фотографии из отчёта восемнадцатилетней давности, которые навсегда застряли в его памяти. Тогда была кровь, много крови, и на лице несчастной жертвы застыл ужас, а не эйфория.

– Я знаю, что с ней случилось, – почти шёпотом сказал Марк, но тут внезапный приступ рвоты заставил его согнуться пополам, а Диану и Аталика наконец отвлечься от доски.

– Я за уборщицей, – зажав нос, сказала Диана и скрылась в коридоре.

Марк уселся на кресло и попытался отдышаться. Перед его глазами всё плыло и прыгало, но стоило ему закрыть их, как тут же появлялись те жуткие кадры.

– Поехали-ка, я отвезу тебя домой, – предложил Тезер.

– Нет, – Марк хотел помотать головой из стороны в сторону, но тут же закрыл рот ладонью, – мы должны работать. Я знаю...

Зазвонил телефон, и Тезер, похлопав Марка по плечу, сказал:

– Передохни чуть-чуть, – и взял трубку.

Звонил один из тех полицейских, которые с самого утра опрашивали местных жителей. Едва Тезер закончил записывать информацию, прибежала Диана, а следом за ней появилась уборщица, и пара любопытных лиц, которые заглянули в кабинет, но тут же скрылись.

– У нас есть зацепка – соседка опознала нашу девушку, – сообщил Аталик, повесив трубку.

– Отлично, едем, – отозвалась Диана, забирая у Тезера листок с адресом, – а ты, – указала она пальцем в сторону Марка, – отправляйся домой.

– Но... – попытался возразить Марк, оторвавшись от наблюдения за уборщицей, которая возила тряпкой по полу.

– Без возражений, – перебила его Диана. – Я попрошу кого-нибудь из патрульных отвезти тебя. Мы бы подбросили, всё равно по пути, но, извини, я только недавно поменяла обшивку на заднем сидении. Поехали, Тезер.

– Выздоровливай, – Тезер сочувственно посмотрел на Марка.

Вместе с Дианой они вышли из кабинета. Следом за ними ушла и уборщица, бросив неодобрительный взгляд на Марка, а он посидел ещё какое-то время, обхватив голову руками, а потом встал и подошёл к доске. Но сколько Марк не вглядывался в расположение листьев вокруг жертвы и в мелкий оранжевый гравий дорожки, так и не сумел найти доказательств, что жертву туда кто-то принёс. Может она и вправду пришла туда сама?

Глава 3

До начала пресс-конференции оставалось пять минут, и Эмма прокручивала в голове вопросы, которые уже знала наизусть, покусывая при этом нижнюю губу и нервно озираясь по сторонам.

Вокруг царил деловитая суета, как и во время любых приготовлений к любому важному событию. Кто-то сновал туда-сюда, кто-то непрерывно говорил о чем-то. Эмма постукала каблук по полу, улыбнулась какому-то корреспонденту, случайно встретившемуся с ней взглядом и, словно приняв какое-то решение, стянула заколку и распустила волосы. Как ни странно, от этого ей стало легче. Однако не успела она этим насладиться, как свет в зале слегка приглушили, и кто-то объявил: «Дамы и господа! Штефан Фейербах!»

На мгновение наступила полная тишина. Сотни камер и записывающих устройств замерли в боевой готовности.

И вошёл он, сопровождаемый многочисленными помощниками и заместителями.

Эмме показалось, что она забыла, как дышать.

Сделав несколько шагов, мужчина остановился и с улыбкой обвёл взглядом зал, задержавшись, как показалось Эмме, именно на ней.

Щёлкнул затвор, и сердце девушки перестало биться.

Мужчина подмигнул, и пуля его обаяния разбила её сердце на мелкие осколки.

«Добрый вечер, господа!» – раздался его бархатный голос.

Следующие несколько минут выпали из сознания Эммы, и как впоследствии она не пыталась, но так и не смогла вспомнить, что же с ней тогда происходило. Из состояния транса её вывела внезапно начавшаяся вокруг суматоха. Журналисты начали задавать вопросы.

Эмму охватил приступ паники.

Я не помню вопросов!

Поспешно развернув листок с вопросами, девушка ещё раз пробежалась по ним глазами.

Я не смогу.

Потом ей вспомнился умоляющий голос Тани и суровое лицо главного редактора, который завтра утром не будет выслушивать оправданий, а просто напомним, где находится дверь, и карьера Эммы закончится, так и не успев начаться.

Дыши.

Вдох, выдох.

Ой! Что? Что? Что я делаю?!

Но рука Эммы уже взметнулась вверх, устремляя за собой и всё остальное тело, и вот уже внимание всей аудитории и Штефана Фейербаха было приковано к девушке, а Штефан Фейербах обращался к ней.

– Простите? – широко улыбнувшись, переспросила Эмма.

Всегда улыбайся, учила её в своё время мама, «хорошеньким глупышкам многое сходит с рук, а интеллектом блеснуть ещё успеешь», говорила она.

– Ваш вопрос, мисс, – сделал приглашающий жест Фейербах.

Внезапно в руках у девушки оказался микрофон и, нажав на кнопку диктофона, Эмма собралась с духом и произнесла:

– Эмма Бишоф, «Der Glass». Господин Фейербах, мы знаем, что долгое время ваша компания занималась производством промышленных роботов и недавно вы перешли на сег-

мент домашних роботов, но с чего всё начиналось? Как и почему была основана *Feuerbach Robotics*?

– Информация об этом есть на нашем сайте, госпожа Бишоф, – ответил мужчина.

– Я знаю, – смутилась Эмма. – В тысяча девятьсот девяносто шестом году вы открыли небольшую фирму по производству электронного оборудования для промышленных объектов, – выдал её мозг почти на автомате, – но почему? Почему эта сфера? Почему роботы?

– Я родился в эпоху великих ожиданий, мисс Бишоф. Мир грезил о полётах к звёздам, о технической революции. Артур Кларк и Рэй Бредбери в своё время произвели на меня очень сильное впечатление, а когда я прочитал Айзека Азимова, я точно знал, чем хочу заниматься. Годы упорной учёбы и немалая доля везения, и вот я здесь, перед вами, – скромно улыбнувшись, развёл руками Фейербах.

– Тогда почему если вы мечтали о полётах к звёздам, перешли к домашним роботам? Это же совсем несерьёзно.

– «Умный дом» – это технология будущего, которое уже наступило. Космические технологии помогают тысячам, а наш новый сегмент поможет миллионам. Он позволит людям не тратить время на рутину, вроде уборки, готовки и стирки, и в конечном итоге сделает их счастливее. В этом и состоит наша главная цель – дарить людям счастье. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, – кивнула Эмма.

– Следующий вопрос? – Штефан обратился к залу.

– Да, – выкрикнула Эмма.

– Прошу, госпожа Бишоф, – небрежно проведя рукой по густым тёмным волосам, ободряюще кивнул Фейербах.

– Ещё вы сказали о везении, а в чём конкретно оно состояло? – импровизировала Эмма, пытаясь хоть на несколько мгновений продлить этот разговор.

– Терпение и трудолюбие – важные компоненты успеха, но не основные. Множество гениальных изобретений так и остаются на бумаге, потому что просто не находят тех, кто вдохновился бы ими. Мне же повезло не только найти того, кто поверил в меня, но и стал моим духовным наставником. Я полагаю, его имя знакомо вам.

– Да, – растерянно ответила девушка. Конечно, имя духовного наставника Штефана Фейербаха было ей знакомо, так же как и миллионам людей по всему миру, но в этот конкретный момент оно совсем вылетело из её головы. – Спасибо, – пробормотала Эмма, присаживаясь на своё место.

Её лицо и уши горели, ладони вспотели, а в своих мыслях она снова и снова прокручивала вопросы, заданные Штефану и его ответы на них. Эмме стало стыдно. Ей казалось, что она выступила совершенно некомпетентно и безответственно.

До самого конца пресс-конференции она сидела, покусывая губы, записывая всё на диктофон и пытаясь делать пометки в блокноте, которые неизменно превращались в геометрические фигуры и в итоге сложились в имя *Stefan*, обведённое в сердечко.

Ой!

Эмма поспешно захлопнула блокнот и посмотрела по сторонам, с удивлением обнаружив, что Штефан Фейербах уже произнёс свою заключительную речь и как раз покидал зал.

Как только он и его свита скрылись за дверью, заскрипели стулья, защёлкали застёжки и крепления, потянулись к выходу журналисты.

Эмма выключила диктофон, сложила его в сумочку и вышла из аудитории.

– Госпожа Бишоф, – окрикнул её кто-то.

– Да? – девушка обернулась и увидела высокого представительного мужчину в чёрном костюме.

Он подошёл к ней почти вплотную и, понизив голос, сказал:

– Господин Фейербах хочет с вами поговорить.

– Да? – удивлённо протянула она.

– Следуйте за мной, – мужчина развернулся и направился в сторону противоположную центральному входу.

Эмма пошла за ним, теребя сумочку и кусая нижнюю губу.

Штефан Фейербах хочет со мной поговорить? О чём?

Дорога казалась ей бесконечной, один коридор за другим, потом лифт и снова коридор, и вот последняя дверь, а за ней тускло освещённый переулок, окутанный дождём, и длинный чёрный лимузин с открытой дверцей.

Раздался щелчок, и над головой Эммы распахнулся зонт. Девушка замерла. Восторженно-радостно-мучительное предвкушение встречи с недавно обрётённым мужчиной мечты сменилось страхом. Несмотря на свою неосведомлённость во многих житейских вопросах, Эмма прекрасно понимала, что у этой истории может быть более одного финала, и почему-то ни один из них не напоминал ей широко известного «и жили они долго и счастливо».

– Пожалуйста, госпожа Бишоф, – охранник слегка тронул Эмму за плечо и указал в сторону автомобиля.

Девушка поправила сумочку и покраснела. Как же это невежливо подозревать такого серьёзного человека, как Штефан Фейербах, в таких глупостях, да ещё и заставлять его ждать. Отогнав дурные мысли, Эмма пересекла тротуар и залезла в лимузин.

Дверца за ней захлопнулась, и машина тут же пришла в движение.

В приглушённом свете кожаного салона лицо Штефана Фейербаха казалось отстранённо-загадочным и даже немного ироничным. На губах его играла улыбка, но глаза смотрели серьёзно на Эмму, которая, снова прикусив нижнюю губу, пыталась выправить так некстати задравшуюся юбку. Именно сейчас девушка остро ощутила, как сильно ей не хватало навыка красиво садиться в автомобиль. Покончив с юбкой, Эмма откинула с лица непослушные тёмные локоны и слегка оторопела. Штефан Фейербах оказался ближе, чем она могла себе представить. Она чувствовала не только лёгкий аромат его мужского парфюма, но и ощущала тепло его тела.

– Я не собирался вас пугать, Эмма, – приветливо улыбнулся Штефан, – но вы напуганы. Почему?

Эмма слегка отодвинулась, но в этот момент лимузин повернул, и предательская юбка заскользила на кожаной обивке, заставив девушку снова оказаться в непосредственной близости от Фейербаха.

– Мама учила не доверять незнакомым мужчинам, – ответила Эмма и тут же закрыла рот рукой.

Боже мой, ну что же я несу!

– Как интересно, – покачал головой Штефан.

– Что именно? – спросила девушка, старательно убирая волосы за уши. Теперь она жалела, что не собрала их обратно в хвост, ведь они постоянно лезли в глаза и ничуть не помогли ей справиться с неловкостью.

– Я убеждён, что личность человека формируется в первые два года жизни, поэтому, не в обиду вашей матушке, Эмма, но не доверять незнакомым мужчинам она учила вас слишком поздно, – добродушно рассмеялся он.

– Почему?

– Вы сидите в автомобиле с незнакомым мужчиной, который везёт вас в неизвестном направлении. Что вами движет? Любопытство?

– Было бы невежливо... – Эмма на всякий случай взялась покрепче за сумочку, хотя прекрасно знала, что в ней не было ничего, что могло бы сойти за средство обороны, кроме шариковой ручки и диктофона.

Диктофон. Зря она не подумала его включить.

– Вы не находите, Эмма, что вежливость – это удивительное качество. Оно сильнее страха за собственную жизнь или... честь, – едва скользнув взглядом в декольте девушки, Штефан непринуждённо улыбнулся.

Эмма же наоборот съёжилась и запахнула посильнее кашемировое пальто.

– Как видите, вежливость не является одним из моих достоинств, – виновато пожал плечами Фейербах. – Я не хотел пугать вас, но, тем не менее, запугал вас до смерти. Я ведь совсем не за этим вас сюда позвал, Эмма.

– А зачем же? – судорожно сглотнула девушка. – И скажите, куда вы меня везёте?

Глава 4

Уже вечерело, когда Марк наконец оказался дома. Жар, сопровождаемый нескончаемым насморком и тошнотой, усиливался, и он мечтал оказаться поскорее на своём старом диване с чашкой горячего бульона для приёма внутрь и банкой холодного пива для наружного применения. Усмехнувшись про себя, что самое главное в этом деле ничего не перепутать, Марк захлопнул дверь и потянулся было к выключателю, но заметил, что из кухни идёт слабый свет, сопровождаемый какими-то странными звуками.

Вытащив из кобуры пистолет, он сделал несколько шагов вдоль коридора. Вздрогнул, краем глаза заметив своё отражение в зеркале. Там, слегка ссутулив спину, стоял среднего роста мужчина тридцати с небольшим лет с коротко стриженными тёмными волосами.

Затем Марк заглянул в дверной проём, щёлкнул затвором и сказал: «Ни с места!»

Из-за открытой двери холодильника показалась поднятая рука, сжимавшая пивную банку, а потом и весь её обладатель – молодой мужчина в махровом халате, клетчатых домашних штанах и тапочках в виде зайчиков на босу ногу.

– Я тут позаимствовал у тебя пиво и немного колбасы, – сказал он, – это уголовное преступление?

Марк опустил пистолет и включил свет. Мужчина в халате был примерно того же возраста, что и Марк, но несомненно гораздо привлекательнее. Его густые вьющиеся волосы были чуть длиннее среднего, а плотный загар говорил о том, что он много времени проводит вне дома.

– Аксель, какого ты здесь делаешь? – спросил Марк.

– У меня кончились спички, – Аксель открыл банку.

Марк положил пистолет на стол и, поставив чайник на плиту, огляделся в поисках спичек.

– И ты искал их в холодильнике?

– Нет, – Аксель достал из кармана халата коробок и бросил его Марку. – Мне всегда было интересно, чем питаются копы, – улыбнулся он.

Марк зажжёг плиту и повернулся к собеседнику.

– Как ты сюда попал?

– Через балкон, – Аксель прислонился к столу и сделал глоток.

Марк бросил взгляд на балконную дверь, скрытую задёрнутой занавеской. Кажется, он взял за правило закрывать балкон, чтобы навязчивый сосед не сновал туда-сюда в его отсутствие, но сегодня он действительно мог об этом забыть.

– Он был закрыт, – сказал Марк.

– Очевидно, нет, – развёл руками Аксель и снова улыбнулся. – Это что, допрос с пристрастием?

– Нет, – усмехнулся Марк, доставая из кухонного шкафа пакетик с сухим куриным бульоном, – если бы это был допрос с пристрастием, то моя пушка была бы сейчас у твоей долбаной башки. А сейчас проваливай, – он сел на стул и прикрыл глаза.

Аксель потоптался какое-то время на месте, разглядывая Марка и словно обдумывая, говорить ему что-то или нет, потом отодвинул занавеску, дёрнул ручку двери и обернулся.

– Эй, – сказал он.

Марк встрепенулся и потёр глаза. Кажется, он успел задремать.

– Ты всё ещё тут? – устало протянул Марк.

– Слушай, можно я тут у тебя порисую завтра? – спросил Аксель с видом пятилетнего ребёнка, уговаривающего папу пойти в зоопарк.

– У себя дома рисовать тебе уже неинтересно?

Закипел чайник, и Марк нехотя поднялся и залил куриный бульон кипятком.

– У тебя здесь перспектива лучше.

– Перспектива чего? – Марк сделал глоток и даже закрыл глаза от удовольствия. Оказывается, именно этого ему и не хватало весь день – чего-нибудь поесть, ведь с самого утра он успел перехватить только сырнй пончик по пути к месту преступления, так как уличный дёнер-кебаб, в котором он обычно завтракал, был ещё закрыт.

– Отсюда лучше вид на вон ту аптеку, автостоянку и стройку, – Аксель отвернулся к окну и, прикрыв один глаз, примерился, изобразив пальцами рамку.

– Я уж думал ты хочешь написать что-то вроде «ностальгии по коммунизму», – Марк вытащил из холодильника упаковку нарезанной колбасы и основательно засохший батон.

Аксель поднял вверх указательный палец и рассмеялся. Кухня, на которой они находились, отлично подошла бы для этой темы. Старый кухонный гарнитур, пожелтевший от времени, хлипкий стол, который когда-то раскладывался вдвое и регулярно разбирался на запчасти для выноса в гостиную по особым торжествам и праздникам, газовая плита времён строительства Стены, духовка, которая не использовалась по назначению уже лет десять, и Марк понятия не имел что за хлам в ней хранится. Из всей обстановки выделялся только новый серебристый холодильник, который пришлось купить в прошлом году взамен прежнего, отслужившего верой и правдой трём поколениям семьи Шнайдеров.

– Значит, ты не против? – спросил Аксель.

– Делай что хочешь, – махнул рукой Марк, вытаскивая пласт салями из упаковки.

– Супер! – воскликнул Аксель и вышел на балкон. Закрыв дверь, он помахал через стекло Марку.

– Да пошёл ты, – добродушно выругался Марк, продолжая уплетать колбасу и запивать её бульоном. Жизненные силы постепенно возвращались к нему.

– Куда вы меня везёте? – взволнованно спросила Эмма.

Автомобиль остановился на светофоре, и она выглянула в окно. В этот момент они как раз проезжали мимо коричневой коробки «Берлинской комической оперы». Толпа стояла у входа не то ожидая начала спектакля, не то уже собираясь расходиться по домам. Эмма посмотрела на дверь. Где-то здесь должна быть ручка, но где? В накалённой обстановке замкнутого пространства лимузина, девушка почувствовала, что у неё начинается приступ паники.

Говорят, в экстремальной ситуации мозг лучше концентрируется и легче принимает решения. Неправда. В экстремальной ситуации мозг отключается.

– Всего лишь до станции подземки, – донёсся до неё голос Фейербаха. – *Potsdamer Platz* вам подойдёт?

– Что? – Эмма не поверила ушам.

– *Potsdamer Platz*, – повторил он, дружелюбно улыбаясь.

– Нет, да, – закивала головой девушка, всё ещё сомневаясь в услышанном, – я поняла. Да, *Potsdamer Platz* мне подойдёт, – в этот момент лимузин повернул налево, а потом почти сразу направо, и Эмма едва успела схватиться за сидение, чтобы снова не скатиться к Фейербаху.

– Что ж, теперь, когда мы выяснили конечный пункт нашего путешествия, и когда вы больше не ищите способов к отступлению, ручка там слева снизу, кстати, – кивнул он. Эмма украдкой взглянула в указанном направлении и покачала головой, Фейербах говорил правду. – Позвольте рассказать вам, почему же я выбрал вас.

Девушка не стала уточнять «почему» и самое главное «для чего», а лишь внимательно посмотрела в лицо своего собеседника. Впервые за этот вечер она смогла так близко разглядеть его. В тусклом освещении салона мужчина выглядел старше, чем ей показалось на конференции. Взгляд его по-прежнему оставался задумчивым и даже каким-то отстранённым, хотя в уголках глаз и губ пролегли морщинки, выдавая в нём человека, который улыбался чаще, чем хмурился.

– Меня окружают циники, Эмма, – продолжал он тем временем, – люди, которые способны только на то, чтобы думать о деньгах, о выгоде, о чём угодно, тратя драгоценные минуты своей жизни на то, что этого совсем не стоит. Человеческая жизнь так коротка, и так... хрупка, – сказал он, едва заметно облизнув губы. – Но им всё равно! – махнул рукой Штефан. – Вы невинное создание, Эмма, с такой чистой и открытой душой... Просто удивительно встретить такого человека, как вы, в это время, в этом городе, в вашей профессии. Я уверен, что у нас ещё будет время поговорить об этом, но сейчас... сейчас я хочу сделать вам предложение, – Фейербах выдержал паузу, и Эмма почувствовала, как её в очередной раз за сегодняшний вечер бросило в жар. Не выдержав взгляда мужчины, она отвернулась к окну. За ним медленно проплывала площадь, усеянная сотнями серых бетонных параллелепипедов – мемориал жертвам Холокоста. Между ними бродили, фотографируясь, туристы, и бегали дети.

– Я предлагаю вам написать книгу, – произнёс в итоге Фейербах.

Глава 5

– Ну что, кажется это здесь, – Диана остановилась у выкрашенной в коричневый цвет деревянной двери с табличкой «Лиза Майер» и постучала.

На стук никто не ответил. Но женщине показалось, что она услышала какой-то звук. Она присела на корточки и приложила ухо к замочной скважине. Замок был старый и оттуда тянуло прохладой. Где-то в квартире скрипнула половица.

– Там кто-то есть, – шёпотом сказала Диана и достала из кармана красной кожаной куртки набор отмычек.

Тезер огляделся по сторонам и приготовил пистолет.

Замок щёлкнул, и Диана осторожно толкнула дверь. Свет, проникший из подъезда выхватил в полумраке квартиры два силуэта. Выгнув спинки, они жмурились и тёрлись друг об друга, но увидев незнакомцев тут же пригнули уши и разбежались в разные стороны.

– Коты, – поморщился Тезер и, вытащив носовой платок, приложил его к носу. Запах в квартире стоял соответствующий. Сколько дел могут наделать два вполне взрослых пушистых создания?

Диана включила свет. Из длинного узкого коридора, обклеенного однотонными белыми обоями, вели три двери – в кухню, в ванную и гостиную. Все три комнаты выходили на одну сторону и отличались высокими потолками, но малыми габаритами. На кухне умещался только небольшой кухонный гарнитур и столик на двух человек, а в гостиной, которая служила одновременно и спальней, стоял шкаф, телевизор и разложенный, но аккуратно застеленный синим покрывалом диван. На стенах не висело ни одной картины, на окнах не было цветов, и только кошки, одна рыжая, а другая серая с белыми лапами, добавляли жизни и разнообразия аскетичному интерьеру.

– Похоже, Лиза Майер была не самым притязательным человеком, – почесал бородку Тезер. В резиновых перчатках делать это было не очень удобно.

– Ага, – Диана открыла дверцы шкафа и окинула взглядом содержимое. Вся одежда была разложена по полочкам и развешана по плечикам, а также по цветам, фактуре и, похоже, сочетаемости. – И кажется ещё педантом, – добавила она и вздрогнула. Рыжая кошка заскочила на полку и потёрлась о её бедро. – Они, наверное, голодные, Тез, – обернулась она к Тезеру.

– Понял, – кивнул он и пошёл на кухню. Рыжая метнулась за ним, а серая лишь недоверчиво повела ушами, но едва раздался звук открываемой дверцы холодильника, как её тут же словно ветром сдуло.

В холодильнике, заполненном всевозможными баночками и контейнерами, под кошачьи консервы была отведена целая нижняя полка. Тезер открыл банку и огляделся в поисках мисок. Кошки вились вокруг него и почти синхронно мяукали, требуя еды. Миски нашлись под столом и были настолько идеально вылизаны, что их даже не пришлось мыть. Он вывалил еду и почти минуту наблюдал, как стремительно она исчезает в кошачьих желудках.

– Бедные создания, – сказал он вслух, – если вас никто не заберёт, придётся отвести вас завтра в приют.

– Что? – донёсся до него голос Дианы из гостиной.

– Ничего, – отозвался Тезер, выглянув в коридор. Тут его внимание привлекла висевшая на вешалке сумка. Он снял её с крючка и пошёл к Диане. – Смотри-ка что у меня есть.

– Да, я тут тоже в шкафу кое-что нашла, – она показала на лежавший у неё на коленях ноутбук, – но давай сначала твоё.

Она отложила ноутбук в сторону и они принялись методично выкладывать содержимое сумки на диван: расчёска, тушь, старый чек из магазина, визитница с разложенными по алфавиту дисконтными карточками, пропуск.

– *Feuerbach Robotics*, – прочитала Диана, – Лиза Майер, бухгалтерия. А вот и место работы.

– Нервная, похоже, работа, – Тезер посмотрел на просвет пузырёк с таблетками, на самом дне виднелись последние три штучки.

– Что там? – вытянула шею Диана.

– Похоже, антидепрессанты, – протянул мужчина, разглядывая этикетку.

– Да, я бы тоже в депрессию впала, если бы жила в таком месте, – хмыкнула она. У самой Дианы дома был целый музей «Формулы 1» – ретро-афиши, которые собирал ещё отец, шлемы пилотов и даже автомобильный диск, который служил ей подставкой для телевизора, который она, правда, никогда не включала.

– Посмотри, – Тезер извлёк на свет телефон, устаревшую модель с кнопками и монохромным экраном.

– Не знаю, – с сомнением покачала головой Диана, – либо это запасной телефон, либо наша девушка ретроград. Я делаю ставку на первое.

– Почему? – спросил Тезер, пролистывая список вызовов.

– Потому что эту сумку она не забыла дома, а намеренно оставила. Судя по тому, как она была одета, при ней, скорее всего, был какой-нибудь небольшой клатч.

– Тем не менее с этого телефона последний раз звонили вчера в семь часов вечера некой Лоле и вызов продолжался пятнадцать секунд. Да и вообще-то она активно пользовалась этим телефоном. Каждый день звонила... маме, – Тезер повернулся к Диане.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками:

– Ненавижу это. Больше всего ненавижу это в нашей работе.

Тезер сочувственно посмотрел на неё. Ему никогда не доводилось сообщать родственникам о погибших, но он знал, что вряд ли смог бы, не хватило бы хладнокровия и беспристрастности.

– Не скучаешь по дорожной полиции? – спросил он.

– Гонять с мигалками, нарушая правила, можно и здесь, – слабо улыбнулась Диана, – только здесь платят больше. Тебя-то как в криминальную полицию занесло?

– Любил детективы в детстве смотреть.

– Да ладно? Серьёзно?

Тезер кивнул, Диана прикрыла рот ладонью и издала смешок.

Серая кошка запрыгнула на диван и принялась громко умываться.

– Ладно, что там ещё в телефоне?

Тезер потёр нос и начал просматривать список контактов.

– Агнесс, ветеринар, Габи, Зизи, Лола, мама, парикмахер, работа, – Тезер остановился.

– А дальше?

– А всё, больше нет.

– Какая богатая социальная жизнь.

Диана потянулась за ноутбуком. Пароля на нём, к счастью, не было. На весь экран был открыт интернет-браузер. Среди сохранённых вкладок Диана нашла несколько сайтов по кулинарии, пару женских журналов, форум для кошатников и одну популярную социальную сеть.

Хотя в друзьях Лизы Майер значилось порядка пятидесяти человек, никто не оставлял комментарии под новыми фотографиями её кошек и постами про любовь и отношения, от которых так и веяло осенней депрессией. В истории сообщений хранились только редкие

поздравления с Рождеством и Днём рождения. И только последнее сообщение, полученное на прошлой неделе, отличалось от всех остальных. Оно пришло от той же Лолы.

– Привет, Лиза! – прочитала вслух Диана. – Как дела? Я знаю, что мы давно не виделись, но Рори мне сделал предложение!!! НАКОНЕЦ!!! Мы женимся через две недели!!! Я устраиваю девичник, ничего особенного, так небольшие посиделки. Приходи! Буду рада тебя видеть! Соберёмся как раньше. Позвони мне. Обнимаю...

– Да что там за Лола? – Тезер наклонился поближе и заглянул в монитор.

Диана открыла страничку Лолы и снова не удержалась от смешка. Короткостриженная брюнетка на всех фотографиях размахивала руками и на каждой из них у неё был открыт рот.

– Жизнерадостная девица, – прокомментировал Тезер.

– Свяжись с ней, – сказала Диана, закрывая ноутбук и поднимаясь с дивана, – пусть приедет завтра в участок, а я позвоню матери жертвы, но сначала мы выйдем отсюда или я разрыдаюсь от этого запаха.

Тезер хмыкнул и начал собирать вещи обратно в сумку.

Глава 6

Сочинительством Эмма начала увлекаться ещё в раннем детстве. Придумывала на ходу стишки и короткие истории, а родители в умилении записывали их. Потом, когда ей было лет девять, Эмма освоила старую бабушкину печатную машинку. Компьютеры она не признавала, считая, что ими пользуются только какие-то поддельные писатели, настоящие же доверяют исключительно печатным машинкам.

В старших классах Эмма решила продолжить свою «писательскую карьеру» и податься в журналистику. К сожалению или к счастью, но рынок труда в тот момент мог предложить только один вариант – школьную газету, которую возглавляла учительница английского языка, и в которую помимо Эммы ходили ещё парочка энтузиастов – мальчик, который хорошо рисовал, но ни с кем не общался, и девочка-студентка по обмену из Канады. Да и те вскоре нашли для себя более интересное занятие на почве совместного интереса к книгам, а точнее к книжным шкафам, за которыми можно тайком целоваться.

Для Эммы это был своего рода удар. Отчасти потому, что мальчик ей всё-таки нравился, хотя она никогда и не рассчитывала оказаться с ним за шкафом, но больше из-за того, что он предал их общее дело.

Потом были маленькие заметки для местной газеты и одна большая статья для крупного молодёжного журнала, которую так никогда и не опубликовали.

Теперь Эмма практически не писала, разве только если перепадало какое-то задание от шефа и вдруг такое предложение.

Девушка отвернулась от окна и внимательно посмотрела на Фейербаха.

– Я вас правильно понимаю, вы предлагаете мне написать книгу?

– Именно так я и сказал, – утвердительно кивнул мужчина, продолжая улыбаться.

– О чём? – спросила Эмма.

Штефан усмехнулся.

– Обо мне, естественно.

– Ах, ну да, – кивнула девушка, – простите, что я сразу не догадалась, – сказала она и снова смутилась.

Воспитание говорило ей, что нельзя дерзить Штефану Фейербаху, но вымотанные им нервы требовали возмездия. – Но я не думаю, что смогу выполнить эту почётную миссию, – Эмма поджала губки и скрестила руки на груди.

– Я думаю, вы справитесь, – дружелюбно ответил мужчина, пристально глядя ей в глаза.

Автомобиль повернул налево, за окном потянулись освещённые оранжевыми фонарями аллеи Тиргартена.

– Я не знаю, как писать книги, – пожал плечами Эмма. – И вообще, почему я?

– Вы напишете правду.

«О да», – мрачно подумала Эмма, покусывая нижнюю губу, – «я напишу всю правду о том, как этот паршивец запугивает молоденьких девушек!»

Штефан рассмеялся.

– Вы мне нравитесь, Эмма, – сказал он. – Позвоните Кристине, моей помощнице, она перешлёт вам мои условия и назначит время встречи.

– Я не думаю... – замотала головой девушка, глядя на визитку, которую протягивал ей Фейербах.

Лимузин остановился.

– До встречи, Эмма, – Штефан ещё раз улыбнулся, взял её руку и вложил в неё свою визитку. В этот же момент дверь автомобиля открылась.

– Я... не... до... до свидания! – пробормотала девушка и, не глядя на мужчину, вылезла из машины, отказавшись от предложенной охранником помощи.

Пронизывающий ветер, гулявший между небоскрёбами Потсдамер платц, сразу же растрепал её волосы и забрался под распахнутое пальто, пробрав до самых костей. Она поспешно застегнула пальто и, отчаянно стараясь не стучать зубами, пробежала мимо остатков Берлинской стены, пересекла Потсдамер штрассе и скрылась в недрах подземки.

Я никогда ему не позвоню! Никогда! Никогда!!!

Позже Эмма лежала в горячей ванне, кутаясь в пушистую пену. Одинокая свечка на полочке у запотевшего зеркала отбрасывала причудливые тени на белые кафельные стены. Влажный воздух был наполнен ароматами шоколада, клубники и банана, но Эмма чувствовала лишь запах духов Штефана Фейербаха и кожаного салона его лимузина. Раз за разом она прокручивала в голове их разговор. Сколько остроумных фраз она могла бы ему сказать, как раскованно и самоуверенно могла бы себя вести. Она оставила бы за собой последнее слово, громко хлопнув дверью. Нет, она бы бросила его визитку ему в лицо и залепила бы пощёчину за то, что он посмел прикоснуться к ней! Нет, лучше бы он прикоснулся ещё. И ещё. И ещё! Ох, она бы стянула с него этот галстук и...

Дверь стукнула о край ванны, так что Эмма от неожиданности чуть не захлебнулась. Огонёк свечи потух, и тут же мир осветился таким ярким электрическим светом, что ей пришлось зажмуриться.

– Где моя тушь? – раздался совсем рядом недовольный голос Маргарет, сопровождаемый грохотом переставляемых бутылочек и тюбиков.

Эмма промолчала и медленно погрузилась под воду, притворившись, что её здесь нет. Она понятия не имела, куда Маргарет дела свою тушь.

– Почему ты никогда не возвращаешь вещи на место? – продолжала бушевать соседка.
Это никогда не кончится...

Эмма вынырнула из ванны и протёрла глаза. Маргарет, одетая в короткое синее платье, которое она называла почему-то «счастливым» (в чём именно Эмма даже не спрашивала), стояла на коленях, перебирая содержимое ванного шкафчика, которое теперь в полном беспорядке валялось на полу.

– Посмотри в своей сумке, – посоветовала Эмма.

– С какой бы стати ей быть у меня в сумке? – рассерженно выдохнув, Маргарет, тем не менее, поднялась на ноги и исчезла за дверью.

Что-то с грохотом упало с полки в коридоре и покатилося в сторону ванной, потом что-то другое медленно сползло с крючка, и Эмма догадалась, что это её пальто, которое она так небрежно бросила, когда вернулась домой. Теперь же оно наверняка лежало в луже, которая натекла с её осенних сапожек.

– Твою мать, – тихо выругалась Маргарет, и Эмма поняла, что это относилось вовсе не к пальто. Просто тушь действительно оказалась в сумке. Как всегда. – Я ушла, – зачем-то сообщила Маргарет, хотя обычно этого не делала, и щёлкнула замком.

Какое-то время Эмма пыталась прийти в себя во внезапно наступившей тишине, и даже снова вернуться к мыслям об «этом совершенно несносном паршивце», но яркий свет и холодный воздух, задувавший из коридора, не давали ей этого сделать.

Тогда она протянула руку, чтобы открыть клапан и слить воду, но так и застыла на месте.

А куда я дела визитку?

Перебирая в памяти все свои действия с момента получения визитки, Эмма выскочила из ванны и едва не закричала от боли. Что-то впилося ей в ногу, потом в другую. Она и забыла, что Маргарет всё свалила на пол. Отпустив пару ругательств в сторону соседки, она протопала в коридор, оставляя за собой мокрые следы. Пальто и вправду лежало на её сапожках, но это Эмму совсем не беспокоило. Главное, что в кармане обнаружилась немного помятая визитка, которая пахла Штефаном Фейербахом.

Чуть позже тем же вечером, молодой человек зашёл в один из баров Кудамма¹. Не снимая капюшона и не расстёгивая чёрной кожаной куртки, он прошёл к стойке. Увидев его, бармен, полный мужчина в годах, тут же приветливо замахал руками и закричал:

– Хей-хей! Давненько ты к нам не заходил!

– Давненько, – улыбнулся парень, но тут же сделался очень серьёзным. – Мне чего-нибудь бодрящего, Фредди, и желательно горячего.

– Что-то случилось? – тихо спросил бармен, наливая в маленькую чашечку эспрессо.

– *Они* в городе.

Бармен поставил перед ним кофе и стакан воды. Парень достал из кармана монету в два евро и положил их на стойку.

– Будь осторожней, – мужчина похлопал его по руке.

Тот лишь коротко кивнул и поправил висевший за спиной чехол с катаной.

¹ Кудамм, сокр. от Курфюрстендамм – главная торговая улица бывшего Западного Берлина.

Глава 7

Яркий солнечный свет заливал аскетично-холостяцкую спальню Марка Шнайдера. Выкрашенные в бежевый цвет стены контрастировали с икеевским гардеробом из тёмного дерева, купленным в прошлом году взамен окончательно развалившегося полированного монстра, и чёрным постельным бельём, подаренным Акселем на этот день рождения.

Дело в том, что Аксель до сих пор считал Марка своим лучшим другом. Когда-то так и было, но сейчас Марк этого мнения не разделял. Напротив, Аксель стал для него досадной обузой, от которой почему-то оказалось очень трудно избавиться.

Марк перевернулся на спину, откинул одеяло и какое-то время созерцал потолок. Призрачные обрывки снов проплывали в его голове, но когда он попытался ухватить хотя бы один из них, то понял, что совершенно не помнит что ему снилось. Марк зевнул, посмотрел на наручные часы, которые никогда не снимал, и тут же подскочил с кровати.

12:45.

Будильник, валявшийся, как обычно, под кроватью, оказался солидарен с наручными часами – 12:45.

Марк надел брюки и выгреб из шкафа носки, чтобы подобрать пару, но тут его внимание привлёк звук из кухни. Кто-то поставил металлический чайник на плиту. Пару секунд Марк размышлял о том, что специально проверил вчера все окна и двери, чтобы Аксель не ходил туда-сюда, однако...

– Ты просочился через замочную скважину? – спросил Марк, появляясь на кухне с одним носком в руке.

– И тебе привет! – Аксель отвернулся от мольберта и радостно улыбнулся. Сегодня на нём была простая белая футболка и синие джинсы, неизменными остались только тапки-зайчики. – Зачем через скважину? Я взял твой запасной ключ. Виолетте он ведь больше не нужен.

– Благодаря тебе он ей больше и не нужен, – Марк сел на край стула и натянул носок.

– Я, между прочим, сделал тебе одолжение, друг, – Аксель потряс кисточкой в воздухе, оставив несколько красных капель краски на линолеуме.

– Скрасил досуг моей девушке. Спасибо, конечно, – Марк неодобрительно посмотрел на пятна краски. Он уже давно не бесился по поводу своей бывшей подружки.

– Ей было одиноко, ты же всё время на работе, – невинно пожал плечами Аксель.

– Кому-то приходится зарабатывать деньги, – Марк поднялся со стула и заглянул в холодильник. Ничего нового со вчерашнего дня в нём не появилось. Взяв с полки то, что осталось от колбасы, Марк хлопнул дверцу и посмотрел на Акселя. – Не всем везёт иметь папочку-миллиардера.

– Толку-то от этого, – пробурчал Аксель. – Но, конечно же, прости за то, что он у меня есть! – развёл руками он.

Марк стиснул зубы и шумно выдохнул через нос, отчего его ноздри угрожающе раздулись, а на лбу вздулась синяя жилка.

– Слушай, прости, я не хотел тебя обидеть, – попытался оправдаться Аксель, но было уже поздно. Марк схватил его за грудки и прижал к стенке, опрокинув при этом мольберт, стул и банку с водой, которая тут же растеклась по всей кухне, ещё больше усилив запах мокрой акварели.

И тут в дверь позвонили.

– Это ещё кто? – сквозь зубы спросил Марк.

– Я китайской еды заказал, – тяжело дыша, ответил Аксель.

Марк мотнул головой и разжал пальцы. Аксель поспешил выйти из кухни, но поскользнулся на мокром линолеуме и едва не растянулся на полу.

Марк не удержался и хохотнул, но тут же сам наступил в лужу и намочил свой единственный носок. Выругавшись, Марк взял тряпку и принялся вытирать пол. Поднял стул, потом мольберт. Какое-то время внимательно смотрел на него, пытаясь понять, что же он видит. Красные и синие линии разной длины и толщины пересекались под прямым углом.

– Ну как тебе? – раздался голос у него прямо над ухом. Марк вздрогнул и обернулся. Аксель стоял рядом, с мечтательной улыбкой глядя на своё творение.

– Ты хреновый художник, – вынес вердикт Марк.

– Ты ничего не понимаешь в современном искусстве, – отмахнулся Аксель и, поставив бумажный пакет из службы доставки на стол, начал доставать оттуда коробки с лапшой. По кухне тут же разлился запах китайских приправ и кисло-сладкого соуса. – Я и тебе заказал, со свининой, как ты любишь.

– Спасибо, конечно, – Марк почесал затылок. – Но мне надо на работу, – бросил он, одновременно стягивая носок и выходя, или, точнее, выскакивая на одной ноге в коридор.

– Не надо, – Аксель снял с плиты давным-давно закипевший чайник. – Я позвонил им и сказал, что ты не придёшь.

– Чего? – Марк замер на одной ноге и медленно развернулся.

– Ну, ты вчера такой больной был, я подумал, что неплохо бы тебе побыть дома. К тому же Диана была только за.

– Оу, – Марк забросил носок в ванную и остановился, размышляя о случившемся всё-таки выходном и о том, что надо самому позвонить в участок. Мобильный телефон как раз лежал на столике у входа.

– Она хорошенькая?

– Кто? – не понял Марк, набирая телефон Дианы.

– Ну Диана, – Аксель возник в дверном проёме с улыбкой Чеширского кота.

– Тебе не светит, – усмехнулся Марк.

– Почему?

– Привет, Диана, – проигнорировав соседа, Марк прошёл вдоль коридора и закрылся в спальне.

– Как ты себя чувствуешь? – участливо поинтересовалась Диана на другом конце провода.

Марк глубоко вдохнул. Чувствовал он себя гораздо лучше, даже насморк почти прошёл, но Диане он почему-то решил не говорить об этом.

– Отвратительно, – кашлянул он. – Валяюсь тут с температурой. Как у вас дела?

– Мы справляемся, – ответила Диана. – А чтобы ты не скучал, у меня для тебя есть задание. Покопайся в социальной жизни Лизы Майер. Может, найдёшь что-нибудь интересное. Подробности сейчас сброшу.

– Ок, – кивнул Марк и уже собирался положить трубку, но вдруг вспомнил о том, что вчера не успел рассказать. – Диана?

– Да? – отозвалась она.

– В Шёнеберге был клуб *Lion's Court*, проверь его. Он может быть связан с нашим делом.

– *Lion's Court*? – переспросила Диана, набирая текст в полицейской базе данных.

– Да, – ответил Марк.

Диана хотела спросить что-то ещё, но он уже отключился. Поисковый запрос выдал один результат. Диана нахмурилась и щёлкнула по нему мышкой. Верхней строкой в открывшемся окне значилось: Дело Марии Шнайдер. Закрыто 15 марта 1995 года.

Рабочий день Эммы проходил в авральном режиме. С самого утра ей достался нагоняй от Тани за то, что она задавала совсем не те, и к тому же какие-то очень глупые вопросы на пресс-конференции, и своим безответственным поведением подвела не только Таню, но и вообще всю редакцию. «Да куда уж там, всю нацию», – мрачно думала Эмма, помешивая уже остывший кофе и стараясь не принимать близко к сердцу слова рассерженной коллеги.

Получалось с трудом. Даже пришлось немного поплакать в туалете, но после обеда времени на расстройстве совсем не осталось, благодаря массе мелких и крупных поручений, которые сыпались как из рога изобилия, и только маленькая прямоугольная визитка то и дело отвлекала внимание Эммы и, в конце концов, девушка собрала с духом и набрала указанный номер.

Эмма даже не заметила, успел ли прозвучать хотя бы один гудок, как на том конце весело прощептали:

– Добрый день, госпожа Бишоф! Меня зовут Кристина, я ассистент господина Фейербаха. Мы ждали вашего звонка. Я выслала пакет документов на вашу электронную почту. Когда будете готовы дать окончательный ответ, позвоните мне. Я доступна в любое время.

– Хо-рошо, – протянула Эмма, когда словарный поток собеседницы закончился.

– Тогда ждём вашего звонка! Хорошего вам дня, госпожа Бишоф!

– И вам, – ответила Эмма, но в телефоне уже звучали короткие гудки.

Недоумевая, Эмма попыталась открыть свой личный почтовый ящик, который был известен весьма ограниченному количеству людей и точно не Штефану Фейербаху. С третьей попытки её дрожащие пальцы набрали правильный пароль.

Письмо действительно было. С договором на оказание услуг по написанию мемуаров, с примерным графиком встреч и оплат. Последний произвёл на девушку самое сильное впечатление. Она даже не представляла, куда можно потратить такие деньги.

Такого не бывает, прошептала Эмма и ещё раз пересмотрела документы.

Почему же он выбрал меня?

Глава 8

Видавшее виды тёмно-красное купе *Alfa Romeo Montreal* 1970 года выпуска остановилось на углу улицы Белцигер в районе Шёнеберг. Стрелки часов в машине показывали без пяти минут одиннадцать. Ночная улица была пустынна, если не считать пары случайных прохожих, выгуливавших собак в парке через дорогу, и небольшой, но шумной компании, дружно дымившей у траттории напротив. Диана заглушила двигатель и вышла из машины. Тезер последовал за ней.

– Всё же я не понимаю, как эти два дела могут быть связаны, – продолжал он начатый ещё в участке диалог, уже давно превратившийся в монолог. – Там была группа вчерашних подростков, возомнивших себя, представить только, вампирами! А здесь... здесь мы даже не знаем наверняка, было ли это убийство. Те ребята до сих пор за решёткой, если вообще живы. Как бы не оказалось, что мы зря теряем время.

Диана Аталика не слушала. Застегнув куртку, она прошлась вдоль двухэтажного кирпичного здания, значившегося в базе данных как клуб *Lion's Court*. Редкий образец архитектуры конца девятнадцатого века, чудом уцелевший в Берлине и особенно выделявшийся среди безликой застройки девяностых, казался необитаемым. Арочные окна первого этажа были темны, а большие квадратные окна верхнего этажа и вовсе наглухо закрыты ставнями. Здание не имело никаких опознавательных знаков и даже дверей, кроме небольшой калитки в примыкавшем к нему с одной стороны металлическом заборе, за которым виднелась автостоянка и два одноэтажных здания, похожих на склады из той же эпохи.

Диана нажала на кнопку звонка, и из динамика раздался мелодичный женский голос:
– Волшебное слово пропустит вас в Страну грёз.

Диана переглянулась с Тезером и усмехнулась:
– «Полиция» подойдёт?

На том конце ничего не ответили, и Диана хотела снова нажать на звонок, но тут раздался сигнал и калитка открылась. Из едва приметной двери вышел широкоплечий охранник и строго спросил:

– Ваши документы, – потом выдал служебную улыбку и добавил, – пожалуйста.

Проверив документы, охранник отошёл в сторону, пропуская полицейских внутрь. Диана и Тезер оказались в тускло освещённом коридоре. Где-то вдалеке слышались мощные раскаты музыки. Откуда-то из тёмного угла тут же возникла девушка. В полумраке особенно сильно была заметна её бледная кожа и тщательно подведённые глаза.

– Доброй ночи, господа, – ослепительно улыбнулась она, обнажив маленькие клыки.

– Нам нужен господин Лион, – сразу перешла к делу Диана.

– Я провожу вас, – ответила девушка и пошла впереди, постукивая каблуками высоких сапог и покачивая бёдрами, затянутыми в слишком короткие кожаные шортики.

Аталик неодобрительно покачал головой из стороны в сторону и погладил свою бородку, как делал это всегда, когда предпочитал промолчать, чем высказывать вслух свои мысли. Как, например, в истории с машиной Дианы. Он считал, что лучше бы она нашла себе партнёра, чтобы проводить своё свободное время более разнообразно, чем постоянно валяться под этой раздолбанной колымагой. Однако Тезер не привык учить кого-то жизни и раздавать советы направо и налево, потому что люди всё равно всё делают по-своему.

Коридор тем временем закончился, и за тяжёлой металлической дверью оказался огромный зал. В приглушённом свете прожекторов, среди красного кирпича и металла, тёмная масса людей ритмично качалась под тяжёлый рок, вырывающийся из динамиков.

На мгновение ярко вспыхнул и тут же погас свет. Вместе с ним исчезла и музыка. «Лион!» – прошёлся по залу шёпот, и вскоре толпа уже вовсю скандировала: «Лион! Лион! Лион!»

Аталик напряжённо проверил на месте ли его пистолет. В наступившей темноте он совсем ничего не видел. Пространство, наполненное гулом толпы, внезапно стало совсем крохотным и давило на плечи.

Диана, наоборот, улыбалась. Всеобщее возбуждение будоражило её. Ещё немного и она готова была закричать вместе со всеми: «Лион!»

И вот появился он, и толпа просто сошла с ума.

Господин Лион стоял на сцене посреди танцпола в ярких лучах прожекторов и слегка небрежно опирался на трость. На вид ему можно было дать лет двадцать пять, не больше. Его длинные белокурые волосы мягкими волнами падали на плечи. Камзол из красного бархата сверкал изящной вышивкой и переливался драгоценными камнями. Панталоны, шёлковая рубашка с жабо и шёлковые же чулки дополняли образ щеголеватого дворянина восемнадцатого века. Обведя взглядом зал, Лион на мгновение закрыл глаза и улыбнулся, затем поднял руку, призывая к тишине.

«Дети мои!» – тихо и мягко произнёс он, но его голос долетел до самых дальних уголков танцпола. «Я рад приветствовать вас этой ночью. И да начнётся веселье!»

Гитарное соло разорвало пространство зала, а следом за ним грохот музыки обрушился на толпу, но вместо того, чтобы снова впасть в безумство, она благоговейно расступалась перед Лионом, который сошёл со сцены и неторопливой походкой направлялся напрямик туда, где стояли Диана и Тезер.

Люди жадно пожирали Лиона глазами, некоторые облизывали губы и скалили зубы, показывая маленькие клыки, другие несмело тянули к нему руки, словно боясь обжечься. Их взгляды кричали: «Возьми меня! Я! Я буду сегодня твоей жертвой!»

И Лион действительно выбирал себе жертву. Его глаза тёмно-изумрудного цвета, какого не бывает в природе, внимательно изучали окружавшие его лица. Кто-то награждался улыбкой, кто-то кивком головы, но кружевной платок, пропуск в обитель господина Лиона, достался... Диане. Не успела она опомниться, как холодное дыхание Лиона коснулось её шеи: «Идёмте, госпожа комиссар, – сказал он. – Я ждал вас».

Эмма закрыла входную дверь и постояла какое-то время в темноте, прислонившись плечом к косяку.

Ну и денёк, ещё похуже, чем вчера.

Девушка вздохнула, потом принялась и нахмурилась. Что-то было не так. Она повела ещё раз носом и поняла что именно. Запах. Обычно по вечерам её встречал запах немытой посуды и портившейся еды, но сейчас его не было. В квартире вообще ничем не пахло.

Эмма включила свет и разулась, потом, не снимая пальто, дошла до кухни и щёлкнула выключателем. Вся посуда лежала в сушилке, именно там, где она оставила её утром. Задумчиво хмыкнув, Эмма заглянула в спальню Маргарет, где царил привычный, но уже вчерашний беспорядок.

Девушка прикусила губу и медленно расстегнула пальто. Маргарет отсутствовала всего сутки, стоило ли поднимать панику?

А предаваться панике?

Эмма достала из кармана телефон и набрала номер Маргарет. Он оказался заблокированным. После нескольких безуспешных попыток пробиться через непреклонного оператора, девушка сняла пальто и прошла по комнате соседки в поисках хоть какого-то намёка на

место работы Маргарет. Где она работает? Ночной клуб, бар или нечто иное? Как-то Эмма пыталась выяснить это, но рассказ Маргарет о том, как она трудится в *Deutsche Bank*, звучал не слишком убедительно.

В процессе поисков девушка нашла своё летнее платье, туфли на каблуках, которые, как она думала, остались дома, давно потерянные тушь и крем, золотые серёжки и даже плеер, который, она была уверена, у неё украли в метро месяц назад.

Ну и поделом ей!

Эмма бросила плеер на кровать и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Страшно хотелось есть. В холодильнике обнаружился листик салата, половина контейнера с помидорами черри и даже открытая пачка феты. Сделав из этого салат, Эмма закрылась в своей комнате и достала ноутбук. Она хотела почитать что-нибудь лёгкое и позитивное, но вместо этого по привычке открыла свою почту, где в самом верху списка висело письмо от Фейербаха. Девушка всё ещё злилась на свою соседку и в глубине души даже радовалась, что её нет сегодня дома. Масла в огонь добавляла ещё и вчерашняя встреча со Штефаном, которая одновременно и тяготила, и волновала её, и определённо требовала чего-то более решительного с её стороны, поэтому, особо не раздумывая, она взяла телефон и набрала номер. Как только на другом конце взяли трубку, Эмма без лишних предисловий, произнесла: «Я согласна».

Глава 9

Кабинет господина Лиона, владельца ночного клуба *Lion's Court*, был обставлен в духе эпохи рококо – настоящее царство причудливых завитушек и изящных линий. Золотая виноградная лоза щедро оплетала шёлковые бордовые обои, причудливо переплетаясь с коваными подсвечниками. Их мягкий приглушённый свет создавал в комнате уютную, почти интимную атмосферу.

Мягко ступая по ковру изысканными атласными туфлями с бриллиантовыми пряжками, которым позавидовала бы сама английская королева, Лион дошёл до стола, положил на него трость и повернулся к полицейским.

– Итак, вы пришли по поводу Берни...

– Берни? – уточнила Диана. – Какого Берни?

– Так... – выдержав паузу, он продолжил: – значит, вы пришли по другому вопросу.

По какому же?

– Что за Берни, господин Лион? – спросил Тезер.

– Присаживайтесь, господа, – хозяин кабинета указал на диванчик, обшитый красной тафтой. Тезер принял предложение, Диана осталась стоять. – У меня не простое заведение, господин Аталик, – Лион едва заметно усмехнулся, заметив лёгкое замешательство на лицах детективов, ведь они ещё не называли ему своих имён, – конфликт интересов здесь достаточно частое явление, – продолжил он, обходя свой стол и опускаясь в кресло. – Почему же вы здесь? – Лион задал вопрос скорее себе, чем полицейским. Сложив пальцы домиком, он внимательно посмотрел на собеседников, переводя взгляд с одной на другого. – Здесь что-то старое, – задумчиво произнёс он, остановившись на Тезере, – давно забытое...

– Имя Марии Шнайдер вам о чём-то говорит? – спросила Диана.

На мгновение Лион изменился в лице и даже немного ссутулился, но тут же взял себя в руки и, судорожно вздохнув, произнёс:

– Бедняжка Мари... Её смерть сделала меня звездой.

– Вы знали её? – задал вопрос Аталик.

– Увы, не при жизни, и не Марию, а её сына. Хороший парень. Тогда ему, кажется, было десять.

– Комиссар Марк Шнайдер является членом нашей команды.

На какую-то долю секунды на лице Лион отразилось удивление, а он задумчиво потом произнёс:

– Этого он хотел – бороться за справедливость.

Сказав это, он заметил, как Диана опустила взгляд, а Тезер погладил бородку.

– Что вы знаете об «Ангелах Ночи»? – спросил Аталик.

– Не больше того, что уже написано в отчётах полиции, – пожал плечами Лион.

– Очередная банда сатанистов, – фыркнула Диана.

– Многие вампиры, – произнёс мужчина, – и считающие себя таковыми, – добавил он, делав ударение на слове «считающие», – поклоняются Дьяволу, не без оснований полагая, что являются порождениями Ада. Всем нужен покровитель, и если они не могут обратиться к Богу, то почему бы не обратиться к его оппоненту?

– Если бы я не читала материалы дела, то подумала бы, что вы причастны ко всему этому, – сказала Диана, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Я не сторонник насилия, госпожа комиссар, – серьёзно ответил Лион.

– Но вы считаете себя вампиром, – она сделала шаг в его сторону.

– А вы не верите в вампиров, – усмехнулся Лион, поднимаясь из-за стола.

– Нет, – уверенно заявила Диана.

Лион медленно приблизился к ней. Они были почти одного роста, но она на пару сантиметров выше из-за высоких каблучков. Аромат его духов, приторно-сладкий с нотками ванили и карамели, который она не почувствовала там, в зале, среди множества других запахов, ударил ей в нос. Пристально глядя в глаза, мужчина взял Диану за руку. От прикосновения его ледяных пальцев она едва заметно вздрогнула. Другой рукой, на которой красовался невероятных размеров бриллиант, он не спеша расстегнул пуговицы на рубашке и приложил руку Дианы к своей груди. «Боже», – прошептала она. На ощупь он был словно мрамор – гладкий, твёрдый, холодный. Если где-то под этой оболочкой и билось сердце, то Диана не ощущала этого. Казалось, что он даже не дышит. Её дыхание, наоборот, становилось всё более учащённым. Никогда в жизни Диана не встречала ничего подобного Лиону. Коснувшись его лица, она провела пальцем по его губам, удивившись, насколько мягкими и нежными они оказались.

Их взгляды встретились. Его тёмно-зелёные, слегка подведённые глаза внимательно следили за ней, но не выражали никаких эмоций. «Фарфоровая кукла, – подумала Диана, – красивая фарфоровая кукла».

Она запустила руку в его длинные волосы, лишь на несколько оттенков светлее её собственных. Натуральный шёлк. А когда-то они были беспорядочной копной, перетянутой выцветшей банданой, и вместо этого изысканного наряда он носил потёртую кожаную куртку и рваные джинсы. Таким она видела его на фотографии восемнадцатилетней давности, прикрепленной к делу. Такой она сама была в свои шестнадцать.

Теперь же перед ней стояло создание, не просто принадлежащее какой-то другой эпохе, но словно пришедшее из другого мира. Холодное, будто окаменелое, неживое...

«Кхм, кхм», – многозначительно покашлял Аталик на другом конце комнаты. Сложившаяся ситуация ему крайне не нравилась. Он чувствовал себя некомфортно, сначала там, среди беснующейся толпы, теперь здесь, в абсолютной тишине этого роскошного кабинета. К тому же Диана вела себя как совершенная школьница. Обычно она сразу пресекала подобное поведение со стороны противоположного пола ударом в челюсть или под дых, но сейчас, ему показалось, она была готова зайти слишком далеко.

– Ваша вера по-прежнему сильна, Диана? – тихо спросил Лион и неожиданно улыбнулся.

Диана опустила руку и ничего не ответила. Тогда он подошёл к ней вплотную и, слегка коснувшись губами её уха, с усмешкой прошептал:

– Вампиров не бывает, – после этого едва заметно подмигнув Аталику и, оставив его в замешательстве размышлять над тем, не померещилось ли ему, Лион вернулся за свой стол.

– К чему всё это, господин Лион? – Диана скрестила руки и осталась стоять на месте.

– Вы думали об этом с того момента, как увидели меня на сцене, госпожа комиссар, – произнёс Лион, застёгивая рубашку, – я не мог не удовлетворить вашего любопытства.

Диана хмыкнула и покачала головой.

– Вы читаете мысли? – спросила она.

– Я читаю лица, – Лион поправил камзол и положил локти на стол. – Например, ваш коллега сейчас размышляет, что меня нужно упрятать за решётку или в психиатрическую клинику. Он за вас очень переживает, Диана.

Тезер кашлянул и немного нетерпеливо сказал:

– Может быть, мы уже перейдём к делу?

– Прошу вас, господа, – Лион сделал приглашающий жест и откинулся на спинку кресла. – Почему вы спрашиваете меня о Марии Шнайдер?

– У нас есть основания полагать, – произнесла Диана, – что дело, расследованием которого мы сейчас занимаемся, каким-то образом может быть связано с тем, что произошло тогда.

– Что случилось?

– В интересах следствия... – начал Аталик, но Диана перебила его:

– Вчера утром было обнаружено обескровленное тело молодой женщины.

Лион вздохнул и, помолчав, сказал:

– Обескровленные тела, конечно, в нашей области компетенций, но как это связано с Марией? Неужели появились новые «Ангелы Ночи»?

– Об этом мы и хотели вас спросить, – ответила Диана.

Мужчина задумался.

– Нет, не припоминаю, чтобы я слышал о чём-то подобном.

– Тогда, может, вы скажете что-то об этом? – Диана достала из внутреннего кармана куртки фотографию с места преступления и протянула Лиону.

Какое-то время он изучал изображение, потом в замешательстве посмотрел на комиссаров и с недоумением произнёс:

– Она такая счастливая.

Диана и Тезер молча смотрели на Лиона и думали об одном и том же – единственная зацепка, за которую они могли ухватиться, оказалась ложной.

– Простите, господа, – покачал головой хозяин клуба, – но я действительно не знаю, чем могу вам помочь, – бросив ещё один взгляд на фотографию, он передал её Диане.

– Если вам что-то станет известно, сообщите нам, – Диана положила перед ним свою визитку. – Доброй ночи.

Господин Лион поднялся со своего места, чтобы проводить гостей. Тезер вышел из кабинета первым, но Диана обернулась, чтобы взглянуть ещё раз на Лиона. Он улыбнулся и, слегка склонившись, взял её руку и прикоснулся к ней губами.

– Если вы захотите продолжить знакомство, – прошептал он, глядя на неё снизу вверх, – я всегда к вашим услугам. Я люблю не только мужчин, Диана.

– На завтрак или на ужин? – немного нервно усмехнулась она.

– В любое время суток, – очаровательно улыбнулся он, показав клыки. – И запомните, вампиров не бывает.

Уже выйдя из здания, Диана бросила ещё один взгляд на тёмные окна старого здания и, слегка передёрнув плечами, сказала Тезеру: «Кое-кто задолжал нам парочку объяснений».

Глава 10

Электронные часы пропикали шесть, и Эмма проснулась. Некоторое время она лежала в темноте, разглядывая причудливый узор, сплетённый тенями ветвей в прямоугольнике оранжевого света на стене над её кроватью. В доме было тихо, только в ванной, как обычно, капала вода. Девушка дотянулась до выключателя и включила свет, потом подняла с пола плюшевого медведя, с которым спала с восьми лет, и села, вытянув перед собой ноги. Пошевелила маленькими пальчиками и улыбнулась. Летний загар ещё не успел сойти и белые перекрещивающиеся полоски, оставшиеся от ремешков сандалий, напомнили ей о тех беззаботных временах, когда её любили, ценили и у неё были друзья, а проблемой вселенского масштаба являлся вскочивший на носу прыщик. Теперь же Вселенная Эммы серьёзно увеличилась в масштабах, а вместе с ней выросли и проблемы.

Где же эта Маргарет?

Девушка встала с кровати и, не выпуская из рук медведя, дошла до комнаты соседки. Ничего не изменилось. Телефон также не поведаль нового. Покусав нижнюю губу, девушка подумала о том, что, наверное, надо позвонить фрау Нельсон, матери Маргарет, или в полицию. Полиции она боялась меньше. Полиция не начнёт паниковать и кричать на Эмму за то, что она не знает, куда делась её соседка.

Вздохнув, девушка почесала затылок и решила дать Маргарет последний шанс, громко объявив на всю квартиру: «Если ты через час не вернёшься, Маргарет, я звоню в полицию!» Эмма помолчала, словно ожидая какого-то ответа, но в квартире было по-прежнему тихо.

Час тянулся медленно. Сначала Эмма развлекала себя подбором наряда для предстоящей вечером встречи со Штефаном Фейербахом, которую она вчера так опрометчиво назначила. Выбор не представлял особой сложности. Чтобы снова не попадать в глупые ситуации из-за дурацких юбок, девушка решила надеть брючный костюмчик тёмно-коричневого цвета, единственный, который у неё имелся, и к нему кремового цвета водолазку, чтобы кое у кого не возникало соблазна заглядывать к ней в декольте.

Вообще, Эмма была настроена более чем решительно. Сегодня она не позволит этому снобу (*но такому привлекательному!*) насмехаться над собой. Она покажет ему чего стоит Эмма Бишоф, и что она уже не ребёнок. Совсем не ребёнок.

А чем лучше всего можно подчеркнуть свою зрелость? Конечно же, духами. Те, что были у Эммы, казались ей слишком девчачьими, тогда почему бы не посмотреть у Маргарет?

Рейд на комнату соседки девушка совершила в паре с верным плюшевым медведем, который покорно стоял на стрёме, пока Эмма не перепробовала все духи и не перемазала все руки, подбирая помаду. Своей-то у неё не было.

В итоге спустя всего пятнадцать минут, к беспорядку, оставленному совместными усилиями соседок, добавился почти слезоточивый аромат парфюмерного магазина, и посреди всего этого безобразия стояла Эмма в своей ночной рубашке с Даффи Даком и с тёмно-красными, почти бордовыми губами, разглядывая себя в зеркале и размышляя, как ей лучше собрать непослушные волосы.

За стенкой зазвонил будильник. 6:25. Девушка опустила руки, рассыпав спутавшиеся завитушки, едва доходившие до плеч, и заплакала. А вдруг с Маргарет действительно случилось что-то страшное? Да ещё эта помада... Она делала её и без того пухленькие губки просто огромными.

Эмма вышла в коридор и, сняв трубку, набрала 110. К тому моменту как оператор спросил её, что случилось, она уже всю ревелла и едва смогла выговорить: «У меня пропала

соседка». И дело было не столько в Маргарет, сколько в том, что Эмма осознала, что она совсем одна в большом городе.

Диана шла к своему кабинету. В кармане у неё позвякивали ключи от машины, а в голове вертелась навязчивая мелодия из рекламы жевательной резинки. В руке она несла бумажную подставку с двумя стаканчиками из соседней кофейни. Настроение у Дианы было прескверным. Разговоры с родственниками жертв всегда выжимали из неё все силы, но когда она увидела Тезера, поняла, что в принципе бодра как апельсин.

Аталик покачивался в кресле взад и вперёд, сосредоточив всё своё внимание на потолке.

– Как дела? – спросила Диана, поставив рядом с ним один из стаканчиков.

В кабинете стоял стойкий аромат женщины – что-то банановое, что-то ванильное, что-то шоколадное, а сверху всего этого какой-то невообразимо раздражающий парфюм.

Тезер вздрогнул и сел ровно.

– Ураган Лола, – произнёс он, протирая глаза. – Она провела здесь почти два часа. Рассказала обо всём, начиная с того, как покупала свадебное платье, до сына троюродной тётки, который уехал жить в Норвегию.

– А что-нибудь о Лизе Майер?

– Вкратце могу сказать, что основное время и внимание отнимала работа, и насколько известно, она ни с кем не встречалась, да и друзей у неё было не слишком много.

– Госпожа Майер в общем-то рассказала мне тоже самое. Просто одна из множества невидимок большого города, которая однажды возвращается домой после посиделок с подружками, а спустя пять часов её находят в куче осенней листвы, – Диана нащупала в кармане фотографию жертвы и внимательно посмотрела на неё. – Что же сделало тебя такой счастливой? – вслух спросила она. От фотографии до сих пор пахло карамельным парфюмом Лиона. – Позёр, – усмехнулась Диана и, задумавшись, посмотрела в окно. – Может быть, ты всё-таки встретила мужчину своей мечты?

Тезер тем временем снял крышку со стакана и достал откуда-то из-под стола целлофановый пакет, внутри которого лежал бумажный свёрток. К царившему в кабинете запаху тут же добавился аромат свежесваренного кофе, а также жареной баранины, солёных огурцов, томатов, капусты и острого соуса, одним словом, всего того из чего состоит завернутый в лаваш дёнер-кебаб.

– Ты говорила с Марком? – поинтересовался мужчина, разворачивая пакет с завтраком.

– Нет, – коротко ответила Диана и тут же спросила, – что ты знаешь о нём?

Тезер как раз хотел отпить глоток кофе, но картонный стаканчик замер на полпути к цели.

– О Марке? У него день рождения в июле, – пожал плечами Аталик, – он никогда не опаздывает и мозги у него работают что надо.

– Да, а его личная жизнь? Что ему нравится? Какие фильмы он смотрит? Какую еду предпочитает? Я знаю только, что он не любит креветки и ни черта не понимает в машинах!

– Помнишь, он как-то говорил про какой-то фильм, кажется, Финчера? А из еды он иногда заказывает китайскую.

– А в остальном? – развела руками Диана.

Аталик задумался. Какое-то время тишину только нарушал звук пережёвываемой им пищи.

– Мы совсем ничего не знаем о Марке Шнайдере, – в конце концов, произнёс он.

– Вот именно! – Диана хлопнула ладонью по столу. – Надеюсь, коллеги Лизы Майер знают о ней больше, чем мы о Марке. Нужно опросить их.

– Как скажешь, – кивнул мужчина, – ты же у нас главная.

На этих словах Диана показала ему язык, и оба рассмеялись. Тем не менее, это была правда. Три года назад на фоне очередной волны эмансипации и борьбы за права женщин Диану Кройц перевели из дорожной полиции в криминальную, а потом назначили руководителем оперативной группы. На тот момент в группу входило ещё три человека, кроме Аталика и Шнайдера, но все они благополучно перевелись в другие отделы, выражая скрытый, а кто-то и явный протест против руководства в целом и высокой блондинки в частности. Поначалу все думали, что это просто пиар-ход, чтобы показать, что полиция прогрессивна и современна, и со временем всё снова станет, как и прежде. Не стало. Диана, которая и так никогда не отличалась спокойным и покладистым характером, показала себя настоящей пантерой, лидером, готовым бороться за свою группу и отстаивать её и свои интересы, хотя в рабочих отношениях с коллегами никогда не напоминала о своём должностном положении. По факту руководил всеми делами Марк, и никто против этого не возражал, поскольку и Диана, и Тезер понимали, что по своим аналитическим способностям и наблюдательности они серьёзно уступают Шнайдеру.

К сожалению, Марк в последнее время проявлял всё больше апатии и всё меньше рвения к работе. Диана и Тезер расходились во мнении, что именно и когда послужило для этого причиной. Диана считала, что всё началось в прошлом году, когда преступника, которого они очень долго искали, оправдали, потому что его адвокат сумел доказать, что это была самозащита, хотя все улики говорили об обратном. Аталик же думал, что дело было в поездке Марка в Гамбург на прошлое Рождество, хотя зачем и к кому он ездил, так и осталось для всех загадкой.

В дверь постучали. Высокий мужчина средних лет в белом халате остановился в дверях, сжимая в руках серую папку, точь-в-точь такую как принёс позавчера Тезер. Несколько секунд он размышлял к кому лучше обратиться и в итоге сказал:

– Меня зовут Герхард Фольк. Я ваш временный судмедэксперт, и у меня есть для вас новость, касающаяся Лизы Майер, – мужчина сделал паузу и посмотрел на свою папку, словно сомневаясь, стоит ли говорить то, что в ней написано.

– Мы вас слушаем, – подбодрил Тезер, складывая бумажный пакет, оставшийся от дёнер-кебаба в мусорное ведро.

– Ваша девушка не была убита, – кашлянув, произнёс мужчина.

Глава 11

Эмма посмотрела ещё раз на своё отражение в зеркале лифта и тяжело вздохнула. Опухшие от слёз глаза и губы, покрасневший нос. Давно она не ощущала себя настолько некрасивой и настолько несчастной.

Последний час Эмма провела в полицейском участке, заполняя заявление о пропаже Маргарет Нельсон. Получалось это с трудом, поскольку слёзы так и норовили оставить кляксы на почти исписанном листе бумаги. К тому же в участке к Эмме отнеслись с таким вниманием и участием, что она ещё больше расплакалась от жалости к себе и благодарности к окружающим, и сразу же дала себе обещание в понедельник утром выпечь для этих милых людей пончиков с сахарной пудрой. Ведь это именно то, что любят полицейские во всём мире.

Сейчас же Эмма сделала последний вдох, готовясь нырнуть в бурлящий поток редакционной жизни.

Обычно Эмма приходила на работу задолго до своих коллег. Ей нравилось пройти вдоль длинных рядов столов, заваленных бумагами, прислушиваясь к глухому стуку каблучков по мягкому ковровину, открыть окно и впустить в душный офис прохладную свежесть берлинского утра.

Сегодня всё было иначе. Отовсюду доносились голоса, телефонные звонки, грохот печатающих принтеров.

«Эмма!»

Девушка, пробежавшая мимо со стопкой документов – Эрика, первый ассистент главного редактора, резко остановилась и, посмотрев на неё, громко прошептала:

«Ты опоздала! Тебя шеф ищет! Бегом к нему!»

В последней фразе Эмма не нуждалась. Сняв на ходу плащ, она бросила его вместе со своей сумочкой на стол, схватила блокнот и ручку и поспешила к начальству. Шеф, слегка располневший мужчина за пятьдесят с забавными усами, «а-ля тридцатые», и зачёсанными назад светло-каштановыми с проседью волосами, сидел в своём кабинете, который отделялся стеклянной перегородкой от всего остального офиса и назывался среди сотрудников весьма подходящим словом – «аквариум». Жалюзи были открыты, и Эмма видела, как шеф перелистывал газету конкурентов и недовольно хмурил брови.

«О боже...» – выдохнула Эмма и, постучавшись, вошла.

– О, Эмма, – оторвавшись от изучения газеты, шеф внимательно посмотрел на своего ассистента, отметил её заплаканное лицо, но ничего не сказал.

– Доброе утро, господин Шульц, – как можно более непринуждённо улыбнулась девушка.

– У нас сломалась кофе-машина, – сообщил мужчина.

– Да, я сейчас вызову специалиста, – кивнула Эмма, записывая в блокнот.

– Они провозятся целый день, – недовольно отмахнулся господин Шульц.

– Хорошо, тогда я схожу на второй этаж к аналитикам, у них есть...

– Отвратительный кофе, – поморщился он, – мне нужен лучший. Лучший кофе в этом городе. Ты меня поняла?

– Да, но...

– Пойдешь на Ранкештрассе, – почесав переносицу, шеф взглянул на карту Берлина, разместившуюся на одной из стен кабинета. – Перейдешь Аугсбургер штрассе и, не доходя

до Кудамма, слева будет небольшая итальянская кофейня, там ещё у входа стоит зелёная «Веспа»². Мимо не пройдёшь. Возьмёшь двойной эспрессо.

– Хорошо, уже иду, – покорно ответила Эмма.

Прогулка в три квартала была бы сейчас именно тем, что ей нужно, если бы не дождь, поливавший с самого утра. Добрый патрульный полицейский довёз её сюда, но на этом, похоже, заряд доброты на сегодня был исчерпан.

– И ещё, – вспомнил шеф, – я там посылал тебе вчера графики, проверь и распечатай. Они нужны мне к десяти. И сама чтобы была тут к десяти, будешь вести протокол.

– Хорошо, – сказала Эмма.

– Пока всё, иди, – махнул рукой шеф и вернулся к чтению газеты.

Эмма посмотрела на наручные часы и вздохнула. Без двадцати пяти минут десять. Только чудо поможет ей успеть вернуться в офис до десяти утра и распечатать какие-то графики, которые она вчера определённо не получала. Да ещё это совещание, на котором именно она должна сегодня вести протокол. Почему-то шеф никогда не звал её на обсуждения новых тем или макетов, а только на всякие скучные встречи по поводу бюджетов и прочей финансовой ерунды, в которой она ничего не понимала.

О том, что ждёт её вечером, Эмма предпочитала не думать.

В отделе судебно-медицинской экспертизы, где стоял вечный холод и полумрак, сегодня было на редкость оживлённо. Помимо самого виновника собрания – господина Фолька, в комнате находились Диана и Тезер, а также трое весьма нервных ребят из оперативной группы Макса Хубера, бывшего руководителя и любовника Дианы.

– Я напишу рапорт на имя начальника полиции, – возмущался один из них, – вы знаете, *кто* эта женщина? – он указал на одно из двух тел, скрытых синими простынями. – Пресса одолевает нас уже третий день. Вчера мы сделали официальное заявление, что причиной аварии стала смерть потерпевшей от передозировки антидепрессантов! Анти-де-прес-сантов! – по слогам выговорил он. – Вы понимаете, какие это последствия для *её* репутации, – обратился он к судмедэксперту, который стоял, засунув руки в карманы халата, и понимающе покачивал головой. – Для *нашей* репутации! – возмущавшийся офицер посмотрел на Диану, задумчиво изучавшую отчёт в серой папке. – Пресса нас сожрёт с потрохами. Что за бардак у нас здесь творится! – продолжал он, повышая тон и не сводя взгляда с Дианы, словно это она перепутала отчёты о вскрытии.

Как такое получилось, что два отчёта оказались перепутаны, мог объяснить только составивший их судмедэксперт – господин Вернер, но он попал в больницу с переломом ноги и сотрясением головного мозга. Полез утром заменить разбитую соседскими хулиганами лампочку на крыльце над входной дверью, но неудачно поставил стремянку, в итоге упал вместе со стремянкой, да ещё и сломал перила.

Судьбе несчастного господина Вернера в участке сочувствовал только Тезер Аталик и те, кого работа судмедэксперта не касалась напрямую. Диана же была солидарна с ребятами Макса, что в обозримом будущем никого из них не ждёт ничего хорошего, но в открытую она никогда не признала бы этого.

Пробежав ещё раз по строчкам отчёта, в котором говорилось, что Лиза Майер скончалась от передозировки антидепрессантов в сочетании с большим количеством выпитого спиртного, Диана мысленно вздохнула с облегчением. Теперь всё казалось правильным и логичным. Не было ничего необычного в том, что одинокая девушка-бухгалтер принимает

² Vespa – известная итальянская марка скутеров.

антидепрессанты. Никаких вампиров, никаких загадок и вопросов без ответов. Обычная ситуация. Диана закрыла папку и посмотрела на Аталика.

«Я закрываю это дело», – объявила она и, развернувшись на каблуках, вышла из отделения судебно-медицинской экспертизы, решительно покачивая белокурым хвостом.

Марк дремал на диване под вой сирен и грохот выстрелов, доносившихся из телевизора. Ему снилось, что он преследует большой чёрный фургон верхом на белом единороге, только вместо рога у того проблесковый маячок.

Вот уже второй день Марк совершенно наглым образом уклонялся от работы, но и угрызений совести по этому поводу не испытывал. Даже присутствие Акселя его не раздражало, напротив, Марк сам приходил к нему на кухню и подолгу наблюдал за тем, как тот рисует. Теперь нагромождение параллельных, перпендикулярных и кривых линий обрело для Марка некий смысл. Может быть, он и не видел в нём аптеки и автостоянки, но какой-то индустриальный пейзаж, одетый в жёлтую кудрявую листву, он всё-таки сумел разглядеть.

Последним штрихом Аксель добавил к картине единорога. Вполне правдоподобного белого единорога, изящно поставившего на копытце переднюю ногу.

– Почему единорог? – спросил сегодня утром Марк.

– Не знаю, – повёл плечом Аксель, продолжая вырисовывать белую гриву.

– Вроде как в жизни всегда есть место для сказки? – с иронией произнёс Марк.

– Почему сказки? – Аксель обернулся и посмотрел на Марка, который в это время сидел за кухонным столом, подперев голову руками. – Хочешь сказать, что не веришь в единорогов?

– Конечно, нет, – не сдержал смешка Марк, – ты, может, ещё думаешь, что сказка про Гензеля и Гретель тоже случилась на самом деле?

– Тогда Библия, по-твоему, тоже сборник сказок? – серьёзно спросил Аксель.

– Почему? – не понял Марк

– В Ветхом завете же говорится про единорогов и василисков.

– Не может быть, – возразил Марк, скорее из вредности, чем ему на самом деле хотелось услышать какую-нибудь притчу про единорога и Моисея. Других персонажей Ветхого завета он всё равно не знал, поскольку религией в его семье никто не увлекался. Однако Аксель не стал поучать его притчами и даже рассуждать о научных доказательствах существования мифических существ, а просто отвернулся к своей картине и продолжил рисовать.

Этот разговор произошёл утром, сейчас же Марк в своём полуденном сне нацеливал пистолет, готовый выстрелить в чёрный фургон, как вдруг кто-то схватил его за ворот и потянул со всей силы назад. Падение было мягким, но вместо затянутого тучами неба Марк увидел глупую улыбку Акселя и свой телефон, на котором высвечивалось имя Дианы.

– Комиссар Шнайдер, – ещё не совсем проснувшись, ответил на вызов Марк.

– Я закрыла дело, – сообщил ему голос Дианы.

– Почему? – Марк сел и хотел потянуться, но ответ коллеги заставил его тут же вскочить с дивана.

Через три минуты он уже шёл быстрым шагом к своему полицейскому участку. Он ни на секунду не сомневался, что кто-то в этой истории что-то явно упускает. Марк должен был расставить всё по местам.

Глава 12

Эмма вышла из здания редакции, построенного на рубеже веков в стиле арт-нуво, с украшенным лепниной эркером и огромными окнами, выходящими на тихую улицу, утопавшую летом в зелени, а осенью – в пурпуре и золоте. В тонких струях дождя краски казались более яркими и глубокими, а воздух, наполненный запахом мокрой листвы и асфальта, чище и насыщеннее. Где-то вдалеке шумели машины, но здесь был слышен только шорох капель по крыше и тротуарам.

Эмма раскрыла зонт, но не успела сделать и шагу, как рядом возник Мартин Думкопф, их штатный фотограф. Пригладив свои короткие светлые волосы, он подмигнул девушке.

– Хорошенькая погодка для прогулок, а? – сказал он, вытаскивая из пачки сигарету.

– Совсем не хорошенькая, – возразила Эмма и, вежливо улыбнувшись, вышла на тротуар. Потоки воды весело стекали в ливневую канализацию, и только Эмма подумала о том, что бежевый костюм плохо сочетается с проливным дождём, как её окрикнул Мартин.

– Тебя подвезти?

– Да, пожалуйста, – тут же согласилась она, но уже через пару минут начала сожалеть о своём решении. Не выпуская сигареты изо рта, Мартин завёл двигатель и спросил:

– Куда поедем?

– Прямо по Ранкештрассе, – ответила Эмма, пристёгиваясь.

– Прямо по Ранкештрассе, – повторил Мартин, выезжая на проезжую часть. – А чего там, на Ранкештрассе?

– Итальянская кофейня, – произнесла девушка, чувствуя, как заслезились глаза от сигаретного дыма, моментально заполнившего маленький салон «смарта».

– Опять босс самодурством занимается, а? – усмехнулся Мартин.

Эмма тактично промолчала. Несмотря на то что она боялась своего шефа до дрожи в коленях, Эмма относилась к нему с глубоким уважением, и не любила сплетен и уж тем более никогда не становилась их источником, даже если узнавала какие-то занятные подробности из личной жизни господина Шульца. Вроде того, что он любит ездовых собак или предпочитает проводить отпуск на «даче», сохранившейся с ГДРовских времён.

– А ты чего сегодня натворила, а? – спросил Мартин, чтобы поддержать беседу.

– Ничего, – сказала Эмма, глядя в распылавшиеся за окном витрины. Они уже ехали по Ранкештрассе, но, как назло, она никак не могла вспомнить справа или слева должна быть кофейня.

– А чего тебя сегодня копы на работу привезли, а? – ехидно поинтересовался мужчина.

– Это мой сосед, – почему-то соврала Эмма и сама себе удивилась, – предложил утром до работы подбросить, и я согласилась, чтобы в дождь не мокнуть.

– Сосед, значит, – протянул Мартин. – А сколько лет соседу, а? Молодой, красивый?

– Да что ты, – отмахнулась Эмма, – ему уже лет тридцать.

Мартин пригладил волосы и мельком взглянул в зеркало заднего вида. Ему тоже тридцать, что же он теперь, дряхлый старик?

– Значит, тебе не нравятся мужчины в возрасте? – сделав затяжку, Мартин выпустил колечко дыма в сторону Эммы.

Девушка покраснела и сделала вид, что не расслышала вопроса.

– Может, как-нибудь сходим вечером выпьем чего-нибудь, а? – непринуждённо предложил Мартин.

Эмма прикусила губу и попыталась улыбнуться мужчине, но в этот момент прямо по курсу выросла пятидесятиметровая шестиугольная часовня из синего стекла, а рядом с ней скрытая под белыми пластинами Мемориальная церковь кайзера Вильгельма³ – Кудамм.

– Мы проехали, – сказала Эмма.

– Проехали, – не то согласился, не то просто подтвердил факт Мартин, выбросил сигарету в окно и, резко выкрутив руль влево, развернулся. Со всех сторон раздались возмущённые сигналы автомобилей. – Красиво, ага? – мужчина подмигнул слегка побледневшей Эмме и нажал на газ.

– Стой! – едва успела закричать девушка, как ремень безопасности впился в её плечо, а в нескольких сантиметрах от носа «смарта» возникла какая-то припаркованная оранжевая машина.

³ Мемориальная церковь Кайзера Вильгельма была построена в 1890-х годах, разрушена во время Второй мировой войны. В настоящее время руины церкви стали символом примирения и напоминанием о войне, а также одним из известных памятников Западного Берлина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.